

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

UDC 94(470.6)“19/20”:316.72

LBC 71.061.2+63.3(2)6-283.31

Submitted: 26.01.2020

Accepted: 28.05.2020

**TRADITIONAL AND MODERN FORMS OF THE COSSACK CULTURE
IN THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES.
REVIVAL, TRANSFORMATION, AND CULTURAL CONSTRUCTION¹**

Olga V. Rvacheva

Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Pierre G. F. Labrunie

School of Advanced Studies in the Social Sciences,
Centre for Russian, Caucasian and Central European Studies, Paris, France

Abstract. *Introduction.* The paper deals with studying the formation of culture elements during the Cossacks revival process in the late 20th – early 21st centuries. The cultural pattern of a community is always changing. Cultural practices and traditions of the past get integrated into the modern social conditions, while new values and rituals assume the character of traditional ones. The topicality of the subject derives from the fact that the Cossack culture was subject to a dramatic transformation in the 20th century, while many elements of the culture were wiped out. The transmission of the cultural tradition was interrupted. The Cossacks revival in the late 20th century supposed a return to traditional historical forms. However, this task proved difficult because of the break in the transmission of the ethnic culture. The formation of the present-day Cossack cultural system supposed the selection of some elements of culture from the past and their integration into the new conditions as well as the creation of new forms of culture that would contribute to the cultural identification of the Cossacks. *Methods and materials.* Historiography has predominantly described the traditional forms of the Cossack culture. The issues of cultural construction were touched upon only occasionally. This paper applies the historical and chronological, historical-genetic methods as well as the conception of socio-cultural construction. *Analysis.* During the Cossacks revival process its participants demonstrated a sharp increase of interest in the traditional forms of culture. The attempts at their integration into the present-day conditions led to the deformation of cultural forms. They lost their authenticity and transformed themselves into secondary forms of culture, thus cultural patterns of the modern Cossacks got changed. At the same time, new cultural traditions and norms were “invented”. Their function was to fix Cossacks identity and to show that the Cossacks do exist in the social life of the country. The adaptation of the traditions and historical elements of the Cossack socio-cultural system had its peculiarities. The traditions and elements were taken from different epochs and formed an arbitrary composition of different cultural phenomena. Traditions played an important role in the Cossacks revival process because they acted as cultural identification markers for the Cossack community. For that reason even new cultural practices were given the appearance of traditions. *Results.* In the late 20th – early 21st centuries the restoration of the Cossack culture was actually its construction. A number of trends can be traced in the process. They developed concurrently and contributed to the creation of new cultural milieu.

Key words: Cossacks, revival, culture, holidays, rituals, traditions, transformation, construction.

Citation. Rvacheva O.V., Labrunie P.G.F. Traditional and Modern Forms of the Cossack Culture in the Late 20th – Early 21st Centuries. Revival, Transformation, and Cultural Construction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 197-212. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

**ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.
ВОЗРОЖДЕНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ¹****Ольга Владимировна Рвачева**Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация**Пьер Габриэль Франсуа Лабрюни**Центр изучения России, Кавказа и Центральной Европы,
Высшая школа социальных наук, г. Париж, Франция

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению формирования культурных элементов в период возрождения казачества в конце XX – начале XXI века. Культурная сфера сообществ постоянно видоизменяется. Культурные практики прошлого, традиции встраиваются в современные социальные условия, новые ценности и ритуалы приобретают характер традиционных. Актуальность темы обусловлена тем, что культура казачества в XX в. подверглась серьезной трансформации, а многие культурные элементы были уничтожены. Передача культурной традиции была прервана. Возрождение казачества в конце XX в. предусматривало возврат к традиционным историческим формам, однако это оказалось сложной задачей из-за разрыва трансляции культуры. Формирование культурной системы современного казачества предполагало выборку культурных элементов из прошлых эпох и встраивание их в новые условия, а также создание новых культурных форм, которые отвечали задачам идентификации группы. *Методы и материалы.* В историографии преимущественно изучались традиционные формы культуры казачества. Проблемы культурного конструирования раскрывались эпизодически. В статье применяется историко-хронологический и историко-генетический методы, а также концепция социокультурного конструирования. *Анализ.* В период казачьего возрождения резко усилился интерес его участников к традиционным формам культуры. Попытки встроить их в современные условия приводили к изменению культурных форм, они теряли аутентичность, превращались во вторичные формы культуры, изменялись культурные характеристики современного казачества. Одновременно «изобретались» новые культурные традиции и нормы. Их назначение состояло в том, чтобы укрепить идентификацию казаков, продемонстрировать присутствие их в социальной жизни страны. Особенность приспособления традиций и исторических элементов социокультурной системы казачества заключалась в том, что они брались из разных эпох, представляли собой произвольное сочетание культурных образцов. Традиции в процессе возрождения играли важную роль, так как они выполняли функцию культурных идентификационных маркеров для сообщества. В связи с этим даже новым практикам стремились придать характер традиций. *Результаты.* Таким образом, в конце XX – начале XXI в. возрождение культуры казачества по сути означало ее конструирование. В этом процессе выделяются несколько тенденций, развивавшихся параллельно и способствовавших созданию новой культурной среды.

Ключевые слова: казачество, возрождение, культура, праздники, ритуалы, традиции, трансформация, конструирование.

Цитирование. Рвачева О. В., Лабрюни П. Г. Ф. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 197–212. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.16>

Введение. Культура народов постоянно трансформируется под воздействием внешних факторов, изменяющихся условий жизнедеятельности. При этом старые культурные

формы не исчезают бесследно. Они изменяются, сосуществуют с современными, приобретают новые смыслы и т. п. Культура казачества также проходила через такие транс-

формации, которые в XX в. были особенно болезненными. В советский период специфическая культурная система казаков была практически растворена в советской социокультурной системе. Такая форсированная трансформация была воспринята как насильственное уничтожение культурных традиций.

Возрождение казачества, начавшееся в конце XX в., актуализировало восстановление культурных традиций. Однако перерыв в трансляции этих традиций, фрагментация сохранности культуры создали ситуацию культурного конструирования.

Целью данной статьи является выявление и анализ основных тенденций развития культуры казачьих сообществ в конце XX – начале XXI в., определение элементов, которые подверглись культурной трансформации и конструированию, а также влияния процесса социокультурного конструирования на современное развитие казачества.

Материалы и методы. Культура казачества регулярно становилась объектом научного исследования. Даже в советский период активно изучались фольклор и диалекты казаков, создавались центры исследования в Москве, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Волгограде [24, с. 94]. В конце XX – начале XXI в. системно исследовались различные стороны традиционной культуры казаков. Календарные праздники и обрядность казачества изучали Н.И. Бондарь, Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина, М.А. Рыблова, Н.А. Архипенко и др. [2; 4; 5; 10; 11; 34], казачий фольклор и песенную традицию – Т.С. Рудиченко [30].

В 2000-х гг. появились качественно новые исследования, связанные с традиционной картиной мира казачества, культурными моделями, возникавшими в различных исторических условиях существования казачьих обществ, формированием вторичных форм культуры. Этими проблемами занимались О.В. Матвеев, М.А. Рыблова, Т.С. Рудиченко, Н.И. Бондарь [6; 20; 32; 36]. Впервые началось осмысление трансформационных процессов в культуре казачества в условиях возрожденческого процесса, появились первые работы, в которых освещались вопросы социокультурного конструирования казачества, связи культуры и идентичности [7; 29; 34; 35; 37]. Вместе с тем системного исследования из-

менений культуры казачества в условиях возрождения на сегодняшний момент нет.

Методологической основой исследования является историко-хронологический и историко-генетический методы, а также концепция социокультурного конструирования.

Источниковую базу составляют документы казачьих обществ, в которых отражается процесс создания культурной основы возрождения, материалы личных архивов авторов, информация, полученная методом включенного наблюдения за деятельностью казачьих обществ.

Анализ. В конце XX в. резко возрастает интерес к культуре казаков, которая воспринималась прежде всего как традиционная. Это, по замечанию Т.С. Рудиченко, было оправданно, так как именно в ней проявлялась специфика казачьего сообщества и идентифицирующие его характеристики [31, с. 216].

Всплеск традиционализма в условиях модернизирующегося общества определяют как реакцию на процессы модернизации, заключающуюся в стремлении затормозить их. Вместе с тем часто параллельно с модернизационными процессами развиваются традиционные культурные формы. Нередко эти формы не только реанимируются, но и усиливаются, например в ходе поиска идентичности. Благодаря сосуществованию модернизационных и традиционных культурных форм создаются условия для формирования синкретичной культуры [1]. Культурные процессы казачьего возрождения имели разнообразные содержание и направления развития. Традиционная культура, сталкиваясь с новой реальностью и адаптируясь к ней, принимала новый вид в соответствии с социальным запросом.

В 1980-х – начале 1990-х гг. начался культурный бум казачьего возрождения. Он характеризовался как восстановлением и развитием прежних традиционных форм, так и трансформацией / конструированием новых культурных элементов, форм и традиций. Возрождение традиций касалось казачьего фольклора и некоторых других культурных практик, например реконструкции казачьих праздников, скачек и др.

Еще в 1970–1980-х гг. в сфере казачьей культуры выявляются две тенденции. Первая – внедрение «новых советских обрядов в

быт советских людей» [33, с. 532]. Представители партийно-советской системы проводили работу по осовремениванию традиций и созданию новых ритуалов (проводы в армию, чествование молодоженов и пр.) [33, с. 532]. Вторая тенденция – восстановление и аутентичное воспроизведение элементов казачьей культуры: казачьего костюма, образцов старинного казачьего оружия. Таким образом происходила «актуализация идеи возрождения народной традиции» [33, с. 534]. Лучше всего это реализовывалось в сфере казачьего фольклора. Началась комплексная поддержка экспедиций по изучению материальной и духовной казачьей культуры.

Набирало популярность приобщение к фольклорной культуре. Например, был создан проект, в ходе которого музыкальный фольклор осваивали люди, которым эта культурная традиция не была передана в ходе естественной трансмиссии культуры [34, с. 160–162]. Таким образом, возможность познакомиться с певческой культурой казачества получили широкие слои населения, что, по мнению Т.С. Рудиченко, «повлекло за собой оживление интереса к истории, казачьему быту, феномену казачества как особому порождению социальной истории» [34, с. 162].

С 1990-х гг. широкое распространение на Юге России получают музеи казачьей истории и быта. Отмечается создание таких музеев во многих казачьих поселениях, благодаря поддержке со стороны сельской администрации, они также нередко основывались энтузиастами как семейные частные музеи. Примеры таких музеев были в станицах Луковской, Иловлинской, Усть-Хоперской Волгоградской области [30, с. 541].

Исследователи отмечают: многое из того, что делалось в тот момент в сфере казачьего культурного возрождения, являлось результатом осознания людьми своей принадлежности к казачьему роду, казачьей культуре. Для потомков казаков, с точки зрения сохранения своей идентичности, важным становилось знание своей истории, говора, песен, владение верховой ездой, шашкой и пр. [34, с. 164]. По образному выражению Т.В. Таболиной, казаки стремились возродить свою «среду обитания» [38, с. 81], этот процесс опирался на традицию, на «возвращение к кор-

ням». Для его успешного развития необходимо было насыщение процесса возрождения традиционными культурными формами.

Утрата культурной специфики осознавалась как серьезная проблема, влияющая на развитие сообщества: «Мы плохо знаем свою историю и культуру. Мы это потеряли и потому плохо воспитываем своих детей» [12, с. 21]. Опора на самобытную культуру, обычаи, традиции и обрядность, по мнению участников возрождения, должна была способствовать осознанию своей субэтнической особенности. Даже в тех сообществах, где этническая идентичность не была актуальна, как, например, у астраханских казаков, возрождение традиций, традиционной культуры связывали с пробуждением самосознания и воссозданием казачества [3, с. 321].

Предполагалось, что традиционная культура станет частью нового бытия казаков, составит его фундамент, возрождая историческую память сообщества. Поэтому важным становилось копирование исторических образцов: казачьей одежды, форм управления (появляются круг, атаманы, советы стариков, есаульцы и пр.). Не менее значимым являлось восстановление различных традиций, от проводов молодых казаков в армию до обрядов, связанных с религиозными праздниками, и даже традиционных наказаний. И в целом возрождение всего образа жизни казака: «Укрепление традиционного уклада жизни казачьей семьи, высвобождение женщин из сферы производства для воспитания детей... Возрождение традиционного военно-спортивного воспитания детей...» [22, с. 38]. Предполагалось восстановление казачьих хуторов и переселение казаков из городов в сельскую местность. Таким образом, культурное возрождение должно было способствовать восстановлению всей социокультурной системы.

Традиционная культура была востребована не только активными участниками возрожденческого процесса. В начале 1990-х гг. потомки казаков, сохранившие память о своих корнях, высказывали искренний интерес к культурной реконструкции: «...трогает меня казачья песня... Хочу, чтобы маленькая дочурка моя... знала и умела петь эти задорные песни, гордилась тем, что в ее жилах течет

казачья кровь...», «надо возрождать лучшие обычаи отцов и дедов, а прежде всего казачьего духа», – такие высказывания были в письмах, приходивших в адрес Оргкомитета Учредительного съезда Союза казаков области Войска Донского [21, с. 102–103].

В соответствии с запросами возрожденческого процесса создавались организации, занимающиеся изучением и реконструированием казачьей культуры. Так, в 1990 г. при Ростовском отделении фонда культуры был создан Хозрасчетный творческий научно-производственный центр ремесел, промыслов и фольклора. Центр базировался в Старочеркасске и работал по программе ЮНЕСКО. Затем данная организация была переименована в Центр традиционной культуры донских казаков [21, с. 29]. В Краснодаре в этот же период было создано региональное отделение Республиканского центра русского фольклора. Кроме этого, на Кубани действовал Краевой научно-методический центр народного творчества, а позже возник Центр народной культуры Кубани [24, с. 96]. Кубанское войско поддерживало издание трудов местных краеведов, работу кубанских художников, деятельность фольклорных коллективов. Был создан Фонд культуры Кубанского казачества [23, л. 5–5 об].

В казачьих организациях в начале 1990-х гг. культурное направление деятельности было представлено также коммеморативной практикой. Являясь активными акторами формирования политики памяти, казачьи организации предпринимали усилия, направленные на восстановление исторических названий станиц, городов, увековечение памяти выдающихся представителей казачества, восстановление памятных дат казачьих войск, сохранение памятников казачьей культуры, создание новых музеев различной направленности (от этнографических до музеев истории Гражданской войны и участия в ней казачества) и т. п. [40, с. 442; 41, л. 81; 42, л. 138]. Выявлялись исторические документы, проводилась работа по переизданию и популяризации исторической литературы. Так, при поддержке Кубанского войска, например, был переиздан труд Ф.А. Щербины «История Кубанского казачьего войска», приветствовалось издание трудов местных краеведов, работа ку-

банских художников. В 1993 г. кубанское войсковое правительство учредило премию в области искусства и культуры им. Я.Г. Кухаренко [23, л. 5–5 об].

Работа по возрождению казачьей культуры поддерживалась и региональными властями. Например, в Программе возрождения казачества Волгограда 1994 г. предусматривалось содействие в создании казачьих поселений с традиционным укладом жизни и быта, восстановлению памятников казачьей истории и культуры и т. п. [26, л. 33]. В Краснодарской краевой концепции по возрождению казачества оговаривалось создание этнопарка «Казачья станица», защита памятников истории и культуры казачества как объектов национального достояния, создание музея истории кубанского казачества, возрождение празднично-обрядово-досуговых традиций и много другое [15, л. 49].

Итак, в начальный период возрождения большое внимание уделялось восстановлению, реконструкции и аутентичному воспроизведению культурных форм. Они должны были выполнять, с одной стороны, роль маркеров, обозначающих исторические основы казачьего возрождения, с другой – способствовать работе исторической памяти общества, формировать идентичность.

Параллельно с развитием аутентичных форм складывалась тенденция культурного конструирования. Это особенно хорошо прослеживалось в казачьих реестровых организациях Юга России. Эти структуры практически сразу стали себя идентифицировать с историческими казачьими войсками. В связи с этим вскоре они приняли названия данных войск и их атрибутику. Историческое обрамление войск могло иметь характер эклектичного соединения элементов разных исторических эпох, как это произошло, например, с организацией «Союз казаков области Войска Донского». Так, гимном Союза стала полковая песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон». Это произведение последней трети XIX в. (автор слов А.А. Леонов, музыка Ф.И. Анисимова) в период Гражданской войны было отредактировано. Из полковой песни, в которой воспевалась верность донцов монарху, произведение превратилось в войсковой гимн, и слова о монархе

были заменены на слова о призыве свободы. Это отвечало ситуации Гражданской войны и провозглашения области Войска Донского республикой. Современное Войско Донское в качестве гимна взяло именно этот измененный вариант.

С названием донской организации «Все великое Войско Донское» произошли еще более серьезные изменения. Оно появилось в 1918 г. в разгар антибольшевистской борьбы казаков и становления донской государственности [18]. Его происхождение датировали XVIII веком. Это подводило историческую основу под новое государственное образование, хотя не все были согласны с этим². Данное название не имело безоговорочного исторического обоснования и являлось культурным конструктом.

Выбранный донской казачьей организацией герб – «Елень, пронзенный стрелой» – считался старейшим гербом войска. Однако кроме него существовало еще несколько гербов, в разное время принятых в области Войска Донского, в которых присутствовала символика Российской империи – двуглавый орел, а также «дары» империи: пернач, насека, бунчук. Еще одним гербом-печатю являлся голый казак в папахе с шашкой, ружьем и при амуниции, сидящий верхом на бочке. По мнению Б.С. Корниенко, выбор того или иного герба в разное время зависел от того, как себя воспринимали сами казаки. Так, герб «Елень, пронзенный стрелой» свидетельствовал, о том, что в данный исторический период приоритетным оказывался выбор в пользу казачьей самобытности и самостоятельности казачьего сообщества, а изображение голого казака верхом на бочке с оружием и амуницией – в пользу военно-сословного статуса [17, с. 8].

Такой выбор донцами войсковых атрибутов с заявкой на древность, самобытность и самостоятельность можно рассматривать как стремление к определению себя в качестве самостоятельной этнической общности. Однако в рамках последующего огосударствления казачества и развития реестровой службы эти атрибуты стали гибридными символами свободы и службы. Таким образом, в ситуации выбора символов и атрибутов для современного донского казачества проявилась

важнейшая черта возрождения – культурное конструирование, которое нашло отражение как в выборе ярких и значимых культурных элементов из разных исторических эпох и переносе их на современность, так и в смешении этнических и сословных культурных черт.

Постепенно в первой половине 1990-х гг. создается символическое пространство казачьих обществ. В него включались ритуальные действия (исторические и вновь придуманные), правила, нормы, которые отражали культурные особенности казаков. Ряд их имел четкие исторические прототипы, например учредительный круг Союза казаков области Войска Донского (СКОВД) принял решение о разработке «Заповедей донских казаков». В их основу планировалось положить «Новые казачьи заповеди», которые были написаны на о. Лемнос в 1921 году. Их создание происходило в условиях эмиграции, в ситуации, когда необходимо было сплотить казаков, сохранить единство и культурную идентичность.

В начале 1990-х гг. Б.А. Алмазов составил памятку ритуалов, которые предлагалось проводить на казачьих кругах, сходах, при приведении молодых казаков к присяге, принятии в казачество и др. Однако историческая основа этих ритуалов вызывает много вопросов, таких как: время создания, казачье войско, в котором то или иное действо проводилось³. Таким образом, им придавался универсальный и вневременной характер, что свидетельствовало не об историческом, а скорее о мифологическом характере.

Ритуальными действиями сопровождались крупные казачьи форумы: Большие войсковые круги и Всемирные казачьи конгрессы. При этом Большие круги были исторической формой, а конгрессы абсолютно новым явлением. В перечень ритуальных действий современных казачьих кругов включалось присутствие священника, благословение им работы круга, внос войскового знамени. В Войске Донском при открытии кругов и всех остальных больших публичных собраний обязательно исполнялся гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...».

Особо следует рассмотреть символическую и празднично-театрализованную основу Всемирных конгрессов казаков. Они начали проводиться с 2003 г., к настоящему времени

состоялось пять таких конгрессов, и на 2020 г. запланировано проведение шестого конгресса. Главной их особенностью стало участие зарубежного казачества, а значит символическое пространство конгрессов должно было отражать идею единения казаков. Например, главной идеей первого конгресса было «по всему миру собрать осколки былого казачьего величия» [8]. Поэтому чрезвычайно важное значение имел выбор символического события или памятной даты, к которым приурочивалось проведение конгресса.

Одной из наиболее востребованных символических исторических фигур являлся М.И. Платов, казачий атаман, герой Отечественной войны 1812 года. Первый и третий всемирные конгрессы казаков были приурочены непосредственно к празднованию юбилеев со Дня рождения М.И. Платова. Второй конгресс прошел под знаком 200-летия Новочеркаска, к основанию и строительству которого атаман Платов имел непосредственное отношение. На I Всемирном конгрессе В.П. Водолацкий, возглавлявший на тот момент ВКО «ВВД», отметил, что «личность Матвея Ивановича Платова, его юбилей позволили нам впервые собрать в Новочеркасске так много казаков со всех уголков планеты» [8].

С важной символической датой связывалось и проведение VI Всемирного конгресса, который должен был состояться в 2020-м – в год 450-летия служения донского казачества России⁴.

Мероприятия Всемирных конгрессов включали концертные программы различного плана, но с обязательной исторической казачьей сюжетной линией, например: фольклорный праздник «С Днем рождения, Платов!» (2003), Войсковой литературно-музыкальный фестиваль им. Н.Н. Туроверова «Я вернулся на Дон...», памяти казачьих поэтов зарубежья (2008), молодежные казачьи фестивали [13].

Особое значение в рамках казачьих форумов приобретала демонстрация элементов военной мужской культуры, например парады в исторической форме казачьих войск или проведение конноспортивных игр, включающих рубку лозы, демонстрацию умения владеть пикой, джигитовку. Важную роль играли торжественно-ритуальные действия, такие как возложение цветов к памятнику Платову или

торжественное отправление венка по Дону в память о погибших казаках⁵, посещение усыпальницы донских атаманов Войскового кафедрального собора. Соответствующими были награды и подарки в виде крестов, орденов, шашек и пр. Историческую копию штандарта 4-го Донского казачьего графа Платова полка преподнесла в дар Войску Донскому делегация волгоградских казаков на III Всемирном конгрессе. Под этим штандартом полк вошел в Париж после разгрома войск Наполеона [13].

Некоторые символические действия казаков были связаны непосредственно с возрождением. Так, в Краснодаре с 1993 г. в апреле стал проводиться ежегодный парад казаков. Он был приурочен к дате подписания Закона о реабилитации репрессированных народов 26 апреля 1991 г., в который включили и казаков как культурно-этнографическую общность. Формирование традиции проведения казачьего парада в этот день являлось инструментом по активации коллективной исторической памяти и воздействовало на идентичность потомков казаков.

Приведенные примеры показывают, что воспроизводство культуры часто представляло собой эклектичное сочетание различных элементов. В возрожденческом процессе проявился такой феномен, как «изобретение традиций», то есть сложилась ситуация, когда «старые» традиции на деле оказывались недавно изобретенными. «Изобретение традиций», по мнению Э. Хобсбаума, является достаточно распространенной практикой, когда оказывается необходимым внедрить определенные ценности и нормы поведения [44]. Назначение таких практик – обоснование связи происходящего с подходящим историческим периодом [44].

Традиция – неоднозначное явление. Ее положительная коннотация проявляется в ситуации, когда прошлое воспринимается как образец для действий в настоящем. В случае с казаками, чье историческое развитие претерпело резкие социокультурные перемены, апеллирование к традиции означало возможность восстановления утраченного бытия.

В казачьем возрождении отчетливо проявился разрыв трансляции культурной традиции, и это повлекло за собой стремление «воз-

родить исконное прошлое». По замечанию ряда исследователей, участники возрожденческого процесса вели поиск идеальной исторической социокультурной формы казачьего бытия, надеясь перенести ее в современные условия [19; 27; 28]. Такой поиск идеальной модели исторического существования ученые сравнивали с поиском «золотого века»⁶.

Однако, чтобы решить эту задачу, необходимо было для начала определить, какое же прошлое нужно возродить в настоящем. Исследуя социокультурные трансформации, М.А. Рыблова отметила, что казачье сообщество на Дону всегда было подвижно с точки зрения культурной идентичности. Постоянно изменялся набор культурных признаков, конфигурация казачьей культуры [37, с. 3–4]. Историческая многовариантность культурных черт и традиций в период возрождения приводила к произвольному выбору исторических образцов для воссоздания социокультурной системы казачества, то есть в основе возрождения в конце XX – начале XXI в. лежало конструирование.

Можно выделить несколько направлений культурного конструирования казачьего возрождения, которые сложились в 1990-х годах. Во-первых, направление архаизации. Как отмечал И.О. Тюменцев, общественный кризис нередко приводит к откату на предыдущую стадию развития и к прежним, подчас архаичным, формам управления [39]. Особенно ярко архаизация проявилась в первой половине 1990-х годов. По мнению М.А. Рыбловой, в условиях очередного кризиса мужская часть социума предпочла вернуться к архаичным формам мужских братств при взаимодействии. Яркий пример – возвращение к порке как традиционной системе наказаний, использование «мужских форм» для презентации группового интереса казачества [37, с. 26–27]. Сюда же следует отнести и попытки вернуться к ранним формам казачьей демократии – казачьим кругам и выборам атаманов.

Во-вторых, в движении за возрождение казачества ярко проявилась ситуация «музеефикации» культуры. Во второй половине 1990-х гг. стало ясно, что большая часть возрождаемых социальных и культурных практик казаков больше не отвечала социальным потребностям группы, культура казачества пе-

рестала выполнять функции адаптации. Круги и атаманы, традиционные формы ведения хозяйства и даже военно-служилые обязательства не были востребованы жизнью социума. В итоге от всего многообразия культурных форм казачества остались и воспроизводились лишь те, которые были интересны с точки зрения их зрелищности либо являлись формами памяти.

В-третьих, на всем протяжении развития казачьему движению были присущи черты, определяемые исследователями как карнавальность или театральность [14, с. 250; 37, с. 26]. Это формы, которые были предназначены не только для участников возрожденческого процесса, но и для общества. Они закрепляли социальное пространство за казаками и часто имели демонстрационные формы: парады, фестивали, ношение казачьей формы и пр. Экстравагантное воспроизведение этих культурных форм нередко давало повод называть современных казаков «ряжеными».

Развитие казачества в 1990-х – начале 2000-х гг. показало, что возродить казачью культуру как часть среды обитания не удастся. Значительное присутствие архаизмов и «новоделов» в культуре казачьего возрождения свидетельствовало о разрыве трансляции культуры и попытках его преодоления. В процессе борьбы с деструкцией культуры, по мнению К.В. Чистова, архаичные элементы и традиции приспособляются к современным обстоятельствам, изменяют свои функции или входят в новую систему в качестве рудиментов, отступают на периферию [45, с. 113]. Таким образом, происходит конструирование культурных форм на традиционной основе, но с новыми качествами. В сфере традиционной казачьей культуры развивается форма вторичной культуры.

Важной частью социокультурного конструирования общества является создание праздничной культуры. Система праздников начала формироваться в сфере возрождения культуры с середины 1980-х годов. На юге России самым известным событием стал фестиваль в станице Вешенской «Шолоховская весна» (1985 г.), проводимый в день рождения известного советского писателя и журналиста М.А. Шолохова.

В начале 1990-х гг. при проведении станичных и хуторских праздников стали все чаще

обращаться к традиционной культуре, включать ее элементы в структуру праздника. Такая праздничная реконструкция позволяла акцентировать внимание на культурно-исторических традициях казачества. Описание фольклорного праздника в одном из донских казачьих хуторов Ростовской области показывает процесс восстановления праздничной традиции: «...Красочное зрелище представлял собой хутор. ...На улицах были накрыты столы с казачьими кушаньями. Любый желающий мог угоститься кислым молоком с пышками, печеной тыквой, лапшой, квасом, пирогами и домашними напитками» [22, с. 41–42].

В 1990-х гг. праздники с элементами культурно-исторической реконструкции были популярны в казачьих хуторах и станицах. Особенно удачно они встраивались в празднование Дня станицы, закрепляя казачий имидж. Так, во время аналогичного праздника в ст-це Казанской Ростовской области перед жителями появилась Станица в сопровождении сотни казаков. Выступал фольклорный коллектив. Примечательно, что в этот день было создано культурно-историческое общество «Казачий круг станиц и хуторов Верхнедонского района» и выбранный атаман общества открывал праздник [22, с. 41–42].

Особенность казачьих праздников заключалась в том, что они становились формой культурной манифестации, но традиционная культура здесь облекалась в новые формы, которые были более привычны для современных казаков. Праздники представляли собой социокультурный конструкт и выполняли задачу культурного конструирования сообщества. Примером могут служить такие праздники-фестивали, как «Донская красавица», «Мы – внуки деда Ермака», «Баклановский удар»⁷, которые проводились в Волгоградской области.

Значительное количество современных праздников и культурных событий казачьей жизни инициировалось казачьими организациями. По мнению Т.С. Рудиченко, это было своеобразным «культурным показанием», вовлечением в занятия по освоению различных форм казачьей культуры жителей российских регионов [33, с. 167]. Анализируя специфику современной праздничной культуры донских казаков, М.А. Рыблова отметила, что

благодаря возрожденческому процессу казачий праздник стал выходить за пределы тесных залов и однотипных домашних застолий. Однако в большинстве случаев такие праздники являлись не народными, а «праздниками для народа», с сохранением разделения на артистов и зрителей [34, с. 166].

Такое состояние праздничной культуры, ее отступление от традиционных форм означало уход традиции на периферию и возникновение «вторичных» культурных форм, закономерного результата развития и изменения традиционной народной культуры во времени. Специалисты в данной сфере говорят о появлении «вторичных» культурных форм тогда, когда традиционная культура из доминирующей превращается в субкультуру. Традиционные культурные формы перестают быть аутентичными, передача культурной традиции осуществляется не носителем и создателем культуры, а посредником, например творческим коллективом или музеем [4].

В начале 2000-х гг. развитие «вторичных» культурных форм выходит на новый уровень. Массовый характер принимает воспроизводство такой формы, как шермиции – военизированные игры, ранее являвшиеся элементами календарных казачьих праздников и входившие в станичные игры. Шермиции превратились в грандиозные фестивали казачьей воинской обрядовой культуры. В Ростовской области с 2004 г. проводятся международные казачьи игры «Шермиции», есть Федерация казачьих воинских искусств «Шермиции». При этом шермиции понимаются как этносport, как составная часть культурного наследия народов России [43]. Разновидностью шермиций являются этнические казачьи игры, которые с 2005 г. организует в разных регионах России Объединение этнических казаков «Казарла». При этом если шермиции направлены прежде всего на сохранение и популяризацию казачьей культуры, то этнические игры в большей степени нацелены на пропаганду этнической идентичности казаков.

В 2016 г. в Концепции создания центров казачьей культуры самобытная культура российского казачества была названа неотъемлемой частью культурного достояния и культурного наследия народов Российской Федерации. Одним из результатов ее сохранения и

развития назывался вклад в формирование положительного образа нашей страны за рубежом [16]. После этого в нескольких регионах страны были созданы Центры казачьей культуры, в задачи которых входило сохранение традиционной культуры, поддержка творческих коллективов, работающих в этом направлении, обеспечение распространения и сохранения культурных ценностей казачества и пр. [25].

Усиление внимания к традиционной культуре казачества в 2000-х гг. стало реакцией на тенденцию огосударствления казачьего возрождения и определения в качестве приоритета для государства казачьей службы. Поскольку основой казачьего возрождения был все-таки этнокультурный компонент (хотя, конечно, воинская культура являлась важнейшей частью традиционной народной культуры), смещение акцентов возрождения в сторону службы вызывало отток людей из реестровых организаций и формирование общественных организаций этнического характера.

В 2000-х гг. импульс к развитию получает еще одна форма «вторичной» культуры – этнопарки. Этнопарки являются инструментами воссоздания и сохранения этнокультурного пространства региона. Это специфические культурные формы, которые, с одной стороны, отражали историю народа и региона, а с другой – конструировали новую историко-культурную реальность. Наиболее известным таким казачьим этнопарком стала станица Атамань, построенная в 2009 г. на Таманском полуострове, в месте высадки казаков-переселенцев из Запорожской Сечи. В 2018 г. в Ростове-на-Дону открылся этнокомплекс «Кумжа», центром которого является казачья станица. Помимо заявленного сохранения и возрождения народных культурных обычаев, обрядов и т. п., такие этнокомплексы действуют, прежде всего, как привлекательные туристические центры и являются эффективными инструментами формирования этнокультурных территориальных брендов. Проведение на площадках таких этнокомплексов фестивалей народной культуры влияет как на создание образа территории, так и на укрепление / создание территориальной идентичности населения региона.

Различные культурные маркеры (мемориальные, праздничные, в форме материальных объектов и др.) серьезно влияют на этнокультурное восприятие территории. Так, например, одно из последних исследований в этом направлении, проведенное в 2019 г. в казачьих районах Волгоградской области в рамках проекта по изучению территориальных общностей в условиях трансформации, показал, что, несмотря на низкую официально зафиксированную в ходе переписи 2010 г. казачью идентичность населения, в регионе наиболее значимыми и запоминающимися событиями регионального и местного значения являются праздничные мероприятия, связанные с казачьей традиционной культурой. В местах традиционного проживания казачества (Кумылженский, Урюпинский, Фроловский районы и др.) значимость казачьих праздников, таких как «Золотой щит – Казачий спас», отмечали 67 % респондентов⁸.

Результаты. Идея восстановления традиционной социокультурной системы была одной из ключевых в казачьем возрождении. Однако этот процесс сочетал как историческую реконструкцию культурных традиций, народных праздников и ритуалов, так и создание новых культурных форм. Активными творцами новых культурных традиций стали казачьи организации.

Можно выделить следующие культурные тенденции возрожденческого процесса. Первая – это собственно реконструкция традиционной культурной формы. При этом происходила адаптация культуры к новым условиям и ее трансформация. Несмотря на то что традиционная культура в этом случае изменялась, сохранялась ее связь с историческими корнями. Вторая тенденция – это конструирование новых традиций и культурных форм, в том числе и в результате смешения исторических культурных элементов, порой посредством «изобретения традиции». В казачьем возрождении возврат к прошлому сочетался с поиском новой идентичности в постсоветской реальности. Это способствовало формированию / воссозданию объектов, ритуалов, праздников, которые представляли собой мнемонические стратегии и создавали культурную преемственность в современном казачестве [9, с. 8].

Несмотря на то что современные казаки пребывали в мире, переживавшем динамичные изменения, требующем способности к быстрой адаптации и в целом не способствующем воспроизводству опыта прошлого, традиция для них являлась альфой и омегой возрожденческого процесса. Провозглашенное уважение к традиции способствовало сплочению общества. Социокультурные параметры традиционного мира воспринимались современными казаками как мир этнической культуры, возможность его восстановления – как признание за казаками, как за народом, права на свое бытие. Таким образом, традиционная культура казачества становилась важным ресурсом возрожденческого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

“The study was funded by RFBR grant No. 19-411-340002 “Territorial communities in the context of social transformations: socio-managerial analysis”.

² Споры и дискуссии делегатов Большого войскового Круга о новом государственном названии войска нашли отражение на страницах донской печати. См.: Приазовский Край. 1918. 29 (16) сент. (№ 146).

³ Несмотря на общую схожесть культуры, основанную на воинских традициях, ритуалы и традиции в казачьих войсках могли серьезно различаться. Например, кубанцы не носили нагайки как элемент традиционного костюма, а донцы – кинжалов. Кубанцы в качестве одобрительного возгласа не кричали «Любо», да и историческое присутствие этого одобрения у донцов вызывает большие вопросы.

⁴ Сама эта дата также является конструктом, так как относит факт начала служения донских казаков к моменту получения ими в 1570 г. царской грамоты от Ивана Грозного. Однако присягу московскому государю донские казаки принесли только в 1671 году.

⁵ Такой ритуал был проведен в 2008 г. во время литературно-музыкального фестиваля им. Н.Н. Туруверова, организованного в рамках Всемирного конгресса.

⁶ Золотой век – мифологические представления периода античности, в основе которых лежит картина беззаботного и счастливого состояния, в котором пребывали предки. В казачьем возрожде-

нии наблюдается постоянное обращение к культурным образцам различных исторических этапов развития казачества, которые рассматриваются как идеальные формы: казачья демократия, казачий круг, атаманское правление, особое представление о казаках прошлого как о непревзойденных воинах.

⁷ По легенде Я.П. Бакланов обладал сокрушительной силой. Его удар шашкой мог разрубить противника от плеча до пояса.

⁸ РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (Волгоградская область, анкетный опрос, n = 844, июль – август 2019 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В. В. Модернизация и традиция / В. В. Алексеев, И. В. Побережный // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург : Урал. гуманитар. ин-т, 1998. – С. 8–32.

2. Архипенко, Н. А. Традиции и новации в обрядности и терминологии донского народного календаря / Н. А. Архипенко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 1. – С. 438–445.

3. Астраханское казачество: путь сквозь века. – Астрахань : [Б. и.], 2015. – 404 с.

4. Бондарь, Н. И. Вместо предисловия / Н. И. Бондарь // Вторичные формы традиционной народной культуры : материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). – Краснодар : Традиция, 2010. – С. 2–6.

5. Бондарь, Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества / Н. И. Бондарь. – Краснодар : Кубанькино, 2003. – 266 с.

6. Бондарь, Н. И. Традиционная культура кубанского казачества : избранные работы / Н. И. Бондарь. – Краснодар : КГТНОУ «Кубанский казачий хор», 1999. – 148 с.

7. Бугай, Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? / Н. Ф. Бугай // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 148–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.13>.

8. Бураков, И. «Осколки былого казачьего величия». Австралийские и немецкие казаки нашли общий язык с донскими и кубанскими / И. Бураков // Время новостей. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru> (дата обращения: 10.01.2017).

9. Вельцер, Х. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения механизмов

культурной преемственности в европейских странах / Х. Вельцер, К. Ленц // Отечественные записки. – 2008. – № 44 (5). – С. 6–22.

10. Власкина, Н. А. Судьба в сказках и преданиях казаков-некрасовцев / Н. А. Власкина // Филологический вестник РГУ. – 2005. – № 2. – С. 37–40.

11. Власкина, Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.) / Т. Ю. Власкина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 432 с.

12. Доклад на Первом (учредительном) съезде казаков Ставрополя. 28 сентября 1990 г. // Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско. 1990–2010. – Ставрополь : Сервисшкола, 2010. – С. 15–21.

13. Емельянов, И. Второй Всемирный казачий... / И. Емельянов // Казаки. – 2005. – № 8–9. – С. 8–13.

14. Ионин, Л. Г. Социология культуры : учеб. пособие / Л. Г. Ионин. – 2-е изд. – М. : Логос, 1998. – 280 с.

15. Концепция краевой комплексной программы по возрождению казачества (не ранее 1992 – 1993 гг.) // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 1843. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 47–50.

16. Концепция формирования центров (отделов) казачьей культуры, войсковых культурно-просветительских центров от 16.11.2016 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/kontseptsiya-formirovaniya-tsentrov-otdelov-kazachey-kultury-voyskovykh-kulturno-prosvetitel'skikh-ts/> (дата обращения: 14.11.2019). – Загл. с экрана.

17. Корниенко, Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914) / Б. С. Корниенко. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 232 с.

18. Краснов, П. Н. Всевеликое Войско Донское / П. Н. Краснов // Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. – Репринт изд. – М. : Политиздат, 1991. – С. 191–329.

19. Маркедонов, С. М. Феномен российского неказачества / С. М. Маркедонов // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М. : [Б. и.], 2001. – С. 107–119.

20. Матвеев, О. В. Модель исторической картины мира кубанского казачества / О. В. Матвеев. – Краснодар : Кубанькино, 2003. – 78 с.

21. Озеров, А. А. Возрождение казачества в Новой России (Социально-философский аспект) / А. А. Озеров. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2004. – 304 с.

22. Озеров, А. А. История современного Донского казачества. Исследования и документы / А. А. Озеров, А. Г. Киблицкий. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2000. – 320 с.

23. Отчетный доклад атамана Всекубанского казачьего войска о деятельности войскового правительства за 1992–1995 гг. // ГАКК. – Ф. Р-1843. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 5, 5 об.

24. Перцева, Ю. И. Роль научных центров в изучении и сохранении культурного наследия казаков юга России (1970-е – 2000-е гг.) / Ю. И. Перцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 93–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.10>.

25. Положение об Областном центре казачьей культуры при ГОБУК ВО «Волгоградский государственный институт искусств и культуры» от 29.11.2017 г. – Электрон. текстовые дан. – URL: <http://vgiik.pf/tsentry/oblastnoj-tsentr-kazachej-kultury?id=1229> (дата обращения: 14.11.2019). – Загл. с экрана.

26. Программа возрождения казачества Волгограда. 1994 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 1322. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 33.

27. Рвачева, О. В. Возрождение традиций или конструирование нового феномена? / О. В. Рвачева // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 382–404.

28. Рвачева, О. В. Донское казачество XXI в. Конструирование социального феномена / О. В. Рвачева // Вестник Южного Научного Центра РАН. – 2009. – Т. 5, № 3. – С. 89–95.

29. Рвачева, О. В. Опыт возрождения казачества в социально-политической системе российского государства в XX – начале XXI века / О. В. Рвачева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 173–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>.

30. Рудиченко, Т. С. Возрождение культурных традиций в конце XX – начале XXI в. / Т. С. Рудиченко // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 537–546.

31. Рудиченко, Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии / Т. С. Рудиченко. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. – 512 с.

32. Рудиченко, Т. С. Искусство в процессе интеграции Войска Донского в Российское государство / Т. С. Рудиченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 215–223. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.18>.

33. Рудиченко, Т. С. Основные направления и факторы социокультурных трансформаций XX в. / Т. С. Рудиченко, М. А. Рыблова // Очерки истории и культуры казачества Юга России. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – С. 502–535.

34. Рудиченко, Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века / Т. С. Рудиченко // Вторичные формы традиционной народной культуры : материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). – Краснодар : [Б. и.], 2010. – С. 160–172.

35. Рыблова, М. А. Донское казачество: к вопросу об истоках и социокультурных трансформациях / М. А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 158–174.

36. Рыблова, М. А. Народные праздники в процессах организации времени и пространства: на материалах донской казачьей традиции / М. А. Рыблова // Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 154–167.

37. Рыблова, М. А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XXI вв.) / М. А. Рыблова // Казачество в России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. – Вып. 2. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – С. 3–32.

38. Таболина, Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы / Т. В. Таболина. – М. : ИЭиА РАН, 1999. – 252 с.

39. Тюменцев, И. О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ / И. О. Тюменцев // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации : материалы II Всерос. конф., 6–10 апреля 2006 г. – Черкесск : Карачаево-Черкесская гос. технол. акад., 2006. – С. 247–254.

40. Устав Донецкого казачьего круга 1990 г. // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. Исследования и документы. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2002. – С. 441–447.

41. Устав Кубанской казачьей Рады 1990 г. // ГАКК. – Ф. 1843. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 81–85.

42. Устав Ставропольского краевого Союза казаков, 1990 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10144. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 138–139.

43. Федерация Шермиций // Казачий информационный портал «Дикое поле». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://dikoe-pole.com/shermitsii/> (дата обращения: 18.01.2020). – Загл. с экрана.

44. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум ; пер. С. Панарина // Вестник Евразии. – 2000. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 09.07.2017). – Загл. с экрана.

45. Чистов, К. В. Фольклор. Текст, Традиция / К. В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.V., Poberezhnyj I.V. Modernizatsiya i traditsiya [Modernization and Tradition]. *Modernizatsiya v sotsiokulturnom kontekste: traditsii i transformatsii* [Modernization in a Socio-Cultural Context: Traditions and Transformations]. Yekaterinburg, Uralskiy gumanitarnyy institut, 1998, pp. 8-32.

2. Arkhipenko N.A. Traditsii i novatsii v obryadnosti i terminologii donskogo narodnogo kalendarya [Traditions and Innovations in the Rituals and Terminology of the Don Folk Calendar]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2009, no. 1, pp. 438-445.

3. *Astrakhanskoe kazachestvo: put skvoz veka* [Astrakhan Cossacks: Way Through the Ages]. Astrakhan, [s. n.], 2015. 404 p.

4. Bondar N.I. Vmesto predisloviya [Instead of the Preface]. *Vtorichnye formy traditsionnoy narodnoy kultury: materialy nauch.-prakt. konf. (g. Krasnodar, 26–27 noyabrya 2010 g.)* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture. Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Krasnodar, November 26–27, 2010)]. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2010, pp. 2-6.

5. Bondar N.I. *Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva* [Calendar Holidays and Rites of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Kubankino Publ., 2003. 266 p.

6. Bondar N.I. *Traditsionnaya kultura kubanskogo kazachestva: izbrannye raboty* [Traditional Culture of the Kuban Cossacks: Selected Works]. Krasnodar, KGTNOU «Kubanskiy kazachiy khor», 1999. 148 p.

7. Bugaj N.F. Rossiyskoe kazachestvo i problema identichnosti s voprosom: kto my? [The Russian Cossacks and the Problem of Identity with the Question: Who Are We?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 148-163. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.13>.

8. Burakov I. «Oskolki bylogo kazachyego velichiya». Avstraliyskie i nemetskie kazaki nashli obshchiy yazyk s donskimi i kubanskimi [“Fragments of the Former Cossack Greatness.” Australian and German Cossacks Found a Common Language with Don and Kuban]. *Vremya novostey* [News Time]. URL: <http://www.vremya.ru> (accessed 10 January 2017).

9. Velcer H, Lenc K. Pokolenie dedov v Evrope. Rezultaty sravnitel'nogo izucheniya mekhanizmov kulturnoy preemstvennosti v evropeyskikh stranakh [Generation of Grandfathers in Europe. Results of a

Comparative Study of the Mechanisms of Cultural Continuity in European Countries]. *Otechestvennye zapiski*, 2008, no. 44 (5), pp. 6-22.

10. Vlaskina N.A. Sudba v skazkakh i predaniyakh kazakov-nekrasovtsev [Fate in the Tales and Traditions of the Nekrasovites Cossacks]. *Philological bulletin of Russian State Humanitarian University*, 2005, no. 2, pp. 37-40.

11. Vlaskina T.Ju. *Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kultury donskikh kazakov (konets XIX – seredina XX vv.)* [Home World on a Broken Era. Essays on the Traditional Culture of the Don Cossacks (End of XIX – Middle of the XX Century)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 432 p.

12. Doklad na Pervom (uchreditelnom) syezde kazakov Stavropolyya. 28 sentyabrya 1990 g. [Report at the First (Constituent) Congress of Cossacks of Stavropol. September 28, 1990]. *Stavropolskiy kraevoy soyuz kazakov. Stavropolskoe kazachye voysko. 1990–2010* [Stavropol Regional Union of Cossacks. Stavropol Cossack Army. 1990–2010]. Stavropol, Servisshkola Publ., 2010, pp. 15-21.

13. Emeljanov I. Vtoroy Vsemirnyy kazachiy... [The Second World Cossack...]. *Kazaki* [Cossacks], 2005, no. 8-9, pp. 8-13.

14. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury: ucheb. posobie* [Sociology of Culture. Educational Literature]. Moscow, Logos Publ., 1998. 280 p.

15. Kontseptsiya kraevoy kompleksnoy programmy po vrozozhdeniyu kazachestva (ne ranee 1992–1993 gg.) [The Concept of a Regional Comprehensive Program for the Revival of the Cossacks (Not Earlier than 1992–1993)]. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of Krasnodar Krai], f. 1843, inv. 1, d. 68, l. 47-50.

16. *Kontseptsiya formirovaniya tsentrov (otdelov) kazachey kultury, voyskovykh kulturno-prosvetitel'skikh tsentrov ot 16.11.2016 g.* [The Concept of the Formation of Centers (Departments) of Cossack Culture, Military Cultural and Educational Centers of 16.11.2016]. URL: <https://culture.gov.ru/documents/kontseptsiya-formirovaniya-tsentrov-otdelov-kazachey-kultury-voyskovykh-kulturno-prosvetitel'skikh-ts/> (accessed 14 November 2019).

17. Kornienko B.S. *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 232 p.

18. Krasnov P.N. *Vsevelikoe Voysko Donskoe* [Vsevelikoe Don Army]. *Arkhiv russkoy revolyutsii. V 22 t. T. 5* [Archive of the Russian Revolution. In 22 Vols. Vol. 5]. Moscow, Politizdat, 1991, pp. 191-329.

19. Markedonov S.M. *Fenomen rossiyskogo neokazachestva* [The Phenomenon of Russian New

Cossacks]. *Sotsialno-politicheskaya situatsiya na Kavkaze: istoriya, sovremennost, perspektivy* [The Socio-Political Situation in the Caucasus: History, Modernity, Prospects]. Moscow, [s. n.], 2001, pp. 107-119.

20. Matveev O.V. *Model istoricheskoy kartiny mira kubanskogo kazachestva* [Model of the Historical Picture of the World of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Kubankino Publ., 2003. 78 p.

21. Ozerov A.A. *Vozrozhdenie kazachestva v Novoy Rossii (Socialno-filosofskiy aspekt)* [The Revival of the Cossacks in New Russia (Socio-Philosophical Aspect)]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2004. 304 p.

22. Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Istoriya sovremennogo Donskogo kazachestva. Issledovaniya i dokumenty* [History of the Modern Don Cossacks. Research and Documents]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2000. 320 p.

23. Otchetnyy doklad atamana Vsekubanskogo kazachyego voyska o deyatelnosti voyskovogo pravitelstva za 1992–1995 gg. [Report of the Ataman of the All-Cuban Cossack Army on the Activities of the Military Government for 1992–1995]. *GAKK* [State Archive of the Krasnodar Krai], f. R-1843, inv. 1, d. 71, l. 5, 5r.

24. Perceva Ju.I. *Rol nauchnykh tsentrov v izuchenii i sokhranении kulturnogo naslediya kazakov yuga Rossii (1970-e – 2000-e gg.)* [The Role of Research Centres in Studying and Preserving the Cultural Heritage of the Cossacks of Southern Russia (1970–2000s)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 3, pp. 93-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.10>.

25. *Polozhenie ob Oblastnom tsentre kazachyey kultury pri GOBUK VO «Volgogradskiy gosudarstvennyy institut iskusstv i kultury» ot 29.11.2017 g.* [Regulation on the Regional Center for Cossack Culture at the GOBUK VO “Volgograd State Institute of Arts and Culture” of 29.11.2017]. URL: <http://vgnik.pp/tsentry/oblastnoj-tsentri-kazachey-kultury?id=1229> (accessed 14 November 2019).

26. *Programma vrozozhdeniya kazachestva Volgograda. 1994 g.* [Program for the Revival of the Cossacks of Volgograd. 1994]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TsDNIVO)* [Center for Documentation of Recent History of Volgograd Region], f. 1322, inv.1, d. 15, l. 33.

27. Rvacheva O.V. *Vozrozhdenie traditsiy ili konstruirovaniye novogo fenomena?* [Revival of Traditions or Construction of a New Phenomenon?]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 382-404.

28. Rvacheva O.V. Donskoe kazachestvo XXI v. Konstruirovaniye sotsialnogo fenomena [The Don Cossacks of the XXIst Century. Designing of a Social Phenomenon]. *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Centra RAN* [Bulletin of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 5, no. 3, pp. 89-95.
29. Rvacheva O.V. Opyt vrozozhdeniya kazachestva v socialno-politicheskoy sisteme rossiyskogo gosudarstva v XX – nachale XXI veka [The Experience of the Revival of the Cossacks in the Socio-Political System of the Russian State in the XX – Early XXI Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 173-190. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15>.
30. Rudichenko T.S. Vozrozhdeniye kulturnykh traditsiy v kontse XX – nachale XXI v. [Revival of Cultural Traditions at the End of the 20th and Beginning of the 21st Century]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 537-546.
31. Rudichenko T.S. *Donskaya kazachyaya pesnya v istoricheskom razvitiy* [Don Cossack Song in Historical Development]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskoy gosudarstvennoy konservatorii im. S. V. Rakhmaninova, 2004. 512 p.
32. Rudichenko T.S. Iskusstvo v protsesse integratsii Voyska Donskogo v Rossiyskoe gosudarstvo [Art in the Process of Integrating the Don Army into the Russian State]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 215-223. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.18>.
33. Rudichenko T.S., Ryblova M.A. Osnovnye napravleniya i faktory sotsiokulturnykh transformatsiy XX v. [The Main Directions and Factors of Socio-Cultural Transformations of the Twentieth Century]. *Ocherki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014, pp. 502-535.
34. Rudichenko T.S. Traditsionnaya kultura donskikh kazakov i sotsialnye protsessy kontsa XX – nachala XXI veka [The Traditional Culture of the Don Cossacks and the Social Processes of the Late Twentieth – Early Twenty-First Centuries]. *Vtorichnyye formy traditsionnoy narodnoy kultury. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 26–27 noyabrya 2010 g.)* [Secondary Forms of Traditional Folk Culture. Materials of the Scientific and Practical Conference (Krasnodar, November 26–27, 2010)]. Krasnodar, [s. n.], 2010, pp. 160-172.
35. Ryblova M.A. Donskoe kazachestvo: k voprosu ob istokakh i sotsiokulturnykh transformatsiyakh [Don Cossacks: To the Question of the Origins and Sociocultural Transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2010, no. 6, pp. 158-174.
36. Ryblova M.A. Narodnye prazdniki v protsessakh organizatsii vremeni i prostranstva: na materialakh donskey kazachyey traditsii [Folk Holidays in the Processes of Organizing Time and Space: On the Materials of the Don Cossack Tradition]. *Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom pri podderzhke Fonda F. Jeberta 13 maya 2014 g.* [Historical Marking of Space and Time: Materials of a Seminar Held by Volgograd State University with the Support of the F. Ebert Foundation on May 13, 2014]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2014, pp. 154-167.
37. Ryblova M.A. Sotsiokulturnye transformatsii na Donu (XVI–XXI vv.) [Sociocultural Transformations on the Don (XVI–XXI Centuries)]. *Kazachestvo v Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sbornik nauchnykh statey* [Cossacks in Russia: Past and Present. Collection of Scientific Articles]. Iss. 2. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2008, pp. 3-32.
38. Tabolina T.V. *Kazaki: drama vrozozhdeniya. 1980–1990-e gody* [Kazaki: Revival Drama. 1980–1990s]. Moscow, IEiA RAN, 1999. 252 p.
39. Tjumencev I.O. K voprosu ob institutakh rannikh kazachyikh soobshchestv [To the Question of the Institutions of the Early Cossack Communities]. *Mnogoukladnost i asimmetrichnost razvitiya regionalnykh ekonomik Yuga Rossii: riski modernizatsii i mekhanizmy transformatsii: materialy II Vserossiyskoy konferentsii, 6–10 aprelya 2006 g.* [Multidimensional and Asymmetric Development of Regional Economies of the South of Russia: The Risks of Modernization and Transformation Mechanisms. Materials of the II All-Russian Conference on April, 6–10, 2006]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskaya gosudarstvennaya tekhnologicheskaya akademiya, 2006, pp. 247-254.
40. Ustav Donetskogo kazachyego kruga 1990 g. [Charter of the Donetsk Cossack Circle 1990]. Ozerov A.A., Kiblickij A.G. *Soyuz kazakov Oblasti Voyska Donskogo. Voyskovoy ataman M.M. Sholohov. Issledovanija i dokumenty* [Union of Cossacks of the Don Army Region. Military Chieftain M.M. Sholokhov. Research and Documents]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2002, pp. 441-447.

41. Ustav Kubanskoj kazachyey Rady 1990 g. [Charter of the Kuban Cossack Rada 1990]. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Krai], f. 1843, inv. 1, d. 2, l. 81-85.

42. Ustav Stavropolskogo kraevogo Soyuza kazakov, 1990 g. [Charter of the Stavropol Regional Union of Cossacks, 1990]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 10144, inv. 1, d. 6, l. 138-139.

43. Federatsiya Shermitsiy [Federation of Shermitius]. *Kazachiy informatsionnyy portal «Dikoe*

pole» [Cossack Information Portal “Dikoe Pole”]. URL: <https://dikoe-pole.com/shermitsii/> (accessed 18 January 2020).

44. Hobsbaum Je. Izobretenie traditsiy [Invention of Traditions]. *Vestnik Evrazii*, 2000. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (accessed 9 July 2017).

45. Chistov K.V. *Folklor. Tekst, Traditsiya* [Folklore. Text, Tradition]. Moscow, OGI, 2005. 272 p.

Information About the Authors

Olga V. Rvacheva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Pierre G. F. Labrunie, Postgraduate Student, School of Advanced Studies in the Social Sciences, Centre for Russian, Caucasian and Central European Studies, Boulevard Raspay, 54, 75006 Paris, France, pierre.labrunie@ehess.fr, <https://orcid.org/0000-0002-7681-4698>

Информация об авторах

Ольга Владимировна Рвачева, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Пьер Габриэль Франсуа Лабруни, аспирант, Центр изучения России, Кавказа и Центральной Европы, Высшая школа социальных наук, бульвар Распай, 54, 75006 г. Париж, Франция, pierre.labrunie@ehess.fr, <https://orcid.org/0000-0002-7681-4698>